

Литературные отголоски.

У о л у ж л и в ы е.

Два петербургских издателя, точ- но сговорившись, собрали и выпустили въ свѣтъ первопреимущественно ни- куда негодные литературные опыты двухъ большихъ писателей: Андреева и Чехова.

Оба объясняютъ такой свой по- ступокъ благогоушнымъ уваженіемъ къ каждой строчкѣ, вышедшей изъ-подъ пера любимыхъ художниковъ, оба одушевлены самыми лучшими на- мѣреніями, [въ искренности которыхъ мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться.

Правда, пространная предисловія къ обѣимъ книжкамъ (изъ которыхъ одно занимаетъ два печатныхъ листа) показываютъ, что гг. издатели чув- ствовали нѣкоторую неловкость сво- ихъ поступковъ и понимали необхо- димость ихъ оправданія. Но оставимъ это безъ вниманія.

Повѣримъ имъ на слово. Повѣримъ въ чистоту и безкорыстіе ихъ на- мѣреній, потому что, при навичности такихъ смелчающихъ мину обсто- ятельствахъ, можно лишь подосадовать на чрезмѣрную услужливость добрыхъ людей, а безъ этихъ обстоятельствъ чувство досады должно было бы смѣ- ниться свирѣдымъ негодованіемъ.

Особенно острымъ возмущеніемъ должны бы мы были отозваться на продѣлку съ Чеховымъ.

Ну, Андреевъ—богъ съ нимъ!.. Онъ благополучно здравствуетъ и самъ распоряжается своей литературой. И если читатель узнаетъ изъ его кни- ги только то, что въ свое время Анд-

реевъ былъ только зауряднымъ фелъ- етонистомъ.—это ничего не приба- вить къ нашему представленію объ Андреевъ-беллетристѣ и ниче о немъ и не убавить. Конечно едва ли читатель будетъ удовлетворенъ такими резуль- татами и не пожалеетъ о потеря- номъ времени и загубленныхъ полу- тора рубляхъ. Но это уже не стоить большая бѣда, чтобы стоило изъ за нея перья ломать.

Но—Чеховъ... Зачѣмъ эти добрые люди нарушали волю покойнаго писателя? Зачѣмъ оскорбили память его? Зачѣмъ въ благоуханную кристалльную впаду его прозы подмѣшали нѣ- сколько капель самого вульгарнаго дегтя.

Вѣдь, почему нибудь да не поже- далъ же Чеховъ включить изданные теперь рассказы въ собраніе своихъ сочиненій.

Очевидно причина побудившая его сдѣлать это, была серьезна.

Несомнѣнно, что эти пробы пера, которыя несмѣльно пристегнуты те- перь къ собранію его сочиненій въ видѣ тома одиннадцатаго и тома двѣ- надцатаго, Чеховъ выбросилъ совер- шенно сознательно. Тѣмъ болѣе, что среди нихъ имѣются вещи довольно крупныя по размѣрамъ: цѣлая по- вѣсть—«Неужная побѣда», въ 115 страницъ нѣсколько рассказовъ отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ длиною и нѣсколько листовыхъ рассказовъ.

Можно не сомнѣваться въ томъ, что Чеховъ воспользовался бы ими, ес- ли бы признавалъ за ними хоть какое нибудь художественное значе-

ніе если бы не стыдился подписать эти юношескіе опыты своимъ име- немъ.

И вотъ то, чего не рѣшился сдѣ- лать Чеховъ, при всей его беззабот- ности насчетъ своей литературной карьеры, — сдѣлалъ его не въ мѣру услужливые издатели, чтобы испра- вить вопиющую несправедливость по отношенію къ любимому писате- лю.

Какъ тутъ не вспомнить извѣст- ную кривовозскую басню объ одномъ съобразителномъ мелвѣдѣ.

Непостижимо, откуда взяли эти добрые люди, что въ подобранныхъ ими рассказахъ много истинно че- ховскаго, какъ гласятъ предисло- віе.

Ничего въ нихъ нѣтъ чеховскаго; и А. П. былъ совершенно правъ, не желая присоединять эти неуклюже, растянутые, фальшивые недонски къ своему литературному наслѣдст- ву.

Читая ихъ, невозможно отаѣлать ся отъ несправедливаго недоумѣнія.

— Неужели это написалъ Чеховъ? Неужели такъ плохо могъ написать Чеховъ.

Нашъ Чеховъ, у котораго каждая строчка брызжетъ умомъ и талан- томъ.

Нашъ Чеховъ, у котораго каждая строчка — сама жизнь, сама правда, сочиняетъ здѣсь длиннѣйшую повѣсть объ удивительномъ приключеніи улич- ной и лица ставшей баронессой и миллионершей, чтобы отомстить оби- дѣвшей ее графинѣ. Она продается за сто тысячъ.

— Вольны, согласенъ, — кричитъ одинъ изъ ея поклонниковъ!

— И я согласенъ, — кричитъ дру- гой.

— Даю сто десять тысячъ!

— Даю сто двадцать!

— Сто двадцать пять!!!

Всѣ согласны. Всѣ хватаются за сумажники и пѣзичка дѣлается мил- лионершей.

Откуда это: изъ Чехова, или изъ Вербицкой?

Въ другомъ рассказѣ — мужъ про- даетъ любимую жену ея любовнику за полтораста—тысячъ, послѣ чего та вспыхиваетъ страстью къ нему и возвращается. Въ третьемъ расска- зѣ, отецъ-крестьянинъ заставляетъ женатаго сына продаться помѣщичѣ, у которой тотъ служить въ куче- рахъ. Такими карриатурами на Че- хова наполненъ весь томъ.

И все это мертво, надуманно, длин- но, скучно, неумѣло и некрасиво склеено, неостроумно, неправдоподоб- но. Получается впечатленіе будто любиматаго писателя выволокли на площадь и публично осрамили!

Посмотрите, дескать, господа на вашего кумира, на вашего любиматаго писателя. Вы и не подозревали, что онъ иногда говоритъ глупости, бол- таетъ вздоръ, рисуетъ не кистью, а метлой, такъ вотъ же намъ полюбуй- тесь...

И кажется вѣрить, что не Чеховъ — умнѣе, не Чеховъ — тончайша- го и прекраснѣйшаго художника — шплетничави, наклеветави.

Эхъ, услужливые...

А. Южанинъ.

С.Петербургъ, 30 Марта.